

Политическая ссылка XVII – начала XX в. и сибирское общество

УДК 908

Г.В. Булыгин

Политические ссыльные на территории Тайшета и Тайшетского района

В настоящей статье рассмотрены условия жизни и специфика работы политических ссыльных, находившихся с 1913 по 1917 г. в Тайшете и Тайшетском районе, а также их влияние на народные массы в предреволюционный период.

Ключевые слова: политическая ссылка, село Тайшет.

G.V. Bulygin

Political exiled in the territory of Taishet and Taishet district

In the present article living conditions and specifics of work of the political exiled who were from 1913 to 1917 in Taishet and the Taishet district and also their influence on a people at large during the prerevolutionary period are considered.

Keywords: political exile, village of Taishet.

В распоряжении автора имеется список, в который вошли имена 184 политических ссыльных, отбывавших срок наказания на территории Тайшетского района и в населенных пунктах, граничащих с ним [1].

Григорий Карпович Дисков, арестованный в 1909 году по распоряжению Тбилисского жандармского управления за участие

в подпольной организации «Союз рабочих на закавказских железных дорогах», был приговорен 25 ноября 1910 года Кавказским военно-окружным судом к шести годам каторжных работ за участие в сообществе, поставившем своей целью свержение законной власти в России с заменой ее народовластием.

В 1916 году, закончив срок каторжных работ, по распоряжению Главного тюремного управления, Дисков вместе с товарищем по процессу был водворен на вечное поселение в Енисейскую губернию. В своих воспоминаниях Григорий Карпович Дисков описывает первые дни пребывания в ссылке следующим образом:

«Этапным порядком добрались до таежной деревни Ондрино, состоявшей из 14 дворов, расположенной на берегу реки Чуна. Наш сопровождающий сдал нас по накладной ондринскому старосте. Староста расписался в получении двух ссыльнопоселенцев и объявил: «Ну, а теперь можете в пределах волости идти куда угодно». Вышли мы с товарищем однопроцессником, Степановым Николаем Александровичем, от старосты на улицу, покрытую глубоким снегом, и очутились в снегу выше колен, обутые в рваные каторжные чиривики, на ногах носки из холста, легко вздохнули, наступила радость. Мы были готовы от радости барахтаться в снегу. Наконец-то мы на воле, семь с половиной лет тяжких испытаний в тюрьмах ушли в вечность. Мы стоим одни на улице, без тюремных надзирателей, без окриков, без команды: «Шагом марш!», «Не оглядывайсь!», «Не смотри по сторонам!», «Не брякай кандалами!», «Не разговаривать!», «Смирно!» и прочее. Да, радость была великая! Однако наряду с радостью, невольно перед нами встал вопрос: «Куда идти? Кто нас пустит?» Сутки не ели, ослабли, устали, ни копейки за душой, каторжная одежда внешне изуродовала нас до ужаса, а проходящие крестьяне, женщины и подростки, искоса поглядывая на нас, вслух произносят: «Посельга». Подошли двое чунарей-мужчин узнать, не продаем ли мы каторжные халаты... Вот так нас встретили чунари...

По пути следования к месту ссылки, в деревне Филькино, случайно встретились с бывшим каторжанином, Николаем Павловым, прибывшим сюда на вечное поселение на год раньше. Прощаясь, Павлов, как уже старый поселенец, сказал: «Если не будет работы в Ондрино, приходите в Филькино, здесь вместе

будем ходить в тайгу, валить сосны и пилить дрова для крестьян».

Постояв немного на улице деревни Ондрино около хаты старосты, подумав, решили брести гуськом по узкой заснеженной тропе в деревню Филькино к товарищу Павлову. При пустом желудке трудновато было идти по заснеженной дорожке. Наконец добрались, было уже затемно. Нашли товарища Павлова. Снова радость, разговоры, воспоминания о каторге. Никто не мешает, нет и тюремных надзирателей, часовых с винтовками. Нет и подслушивающих. Павлов сварил картошку, вдоволь нарезав хлеба, здорово накормил нас. Поговорив, мы заснули богатырским сном. Рано утром он повел нас в тайгу заготавливать дрова на условиях, что крестьянин, принявший от нас дрова, сложенные в штабеля, уплатит нам по 10 копеек за 1 кубометр. Так мы работали 3 недели, а затем, совершенно неожиданно, я получил от ссыльного товарища Харченко Ивана записку, в которой он предлагал немедленно приехать в деревню Шиткино для организации общества потребителей и дальнейшей работы в нем. Сам товарищ Харченко в обществе уже работал. С приездом в Шиткино, 30 апреля 1916 года, я сразу приступил к работе.

Прибыв в ссылку в Неванскую волость бывшей Енисейской губернии (Красноярский край), я встретился с товарищами, поселенными на год-два раньше меня. Это были Банкович Ян Эрнестович, Грауве Эрнест, Граве Анна, Колос, Богданов, Нилндер, Слисский Митрофан Сергеевич, Прохоров Илья Михайлович, Валдаев Павел Романович, Харченко Иван, Харченко Мария Алексеевна и Норенков Иван Федосеевич.

Необходимо заметить, что независимо от идеологических взглядов, большевики, меньшевики, эсеры или анархисты – политссылные между собой жили дружно, материально и морально друг друга поддерживали, делились последним. В силу жизненных обстоятельств, все ссыльные, за исключением отдельных лиц, не имея ни гроша за душой, работали. Одни работали у крестьян-чалдонов (старожилов) батраками, другие занимались промыслом: ходили в тайгу собирать кедровые орехи, третьи промышляли пушнину (и то и другое для ссыльных было очень затруднительным по незнанию этого рода промысла), четвертые неофициально работали помощниками волостных писа-

рей, а некоторые, по просьбе крестьян, работали в кооперации. В среде политической ссылки существовал неписанный закон: по возможности идти на работу в потребительские общества и кредитные товарищества. Это были удобные общественные организации на селе, где, ежедневно сталкиваясь с основной массой крестьян по множественным вопросам работы общественной организации, можно было завоевать симпатию и доверие крестьян к политической ссылке. К тому же общество потребителей и кредитное товарищество для крестьян было местом отдыха. Отработав по хозяйству и двору, правление вечером в полном составе шло в потребилровку, чтобы узнать от приказчика (он же бухгалтер, и сторож, и докладчик) о результатах работы лавки за день, а крестьяне шли для того, чтобы покалякать о том о сем. Простые, непринужденные беседы имели место в лавке каждый день, будь то рабочий день или праздничный, и эти беседы затягивались до поздней ночи. Такого рода беседы представляли большой интерес, и рабочий день работающего в потребилровке политссыльного, как правило, затягивался на 18–19 часов. Крестьяне, в большинстве случаев, задавали ему множество вопросов, и на них надо было отвечать, тем более это было в период первой империалистической войны. Работая в потребилровке на трех должностях: сторожем, приказчиком и бухгалтером, я, например, получал три рубля в месяц. Так же получали и другие товарищи, работавшие в кредитных товариществах и потребительских обществах в соседних деревнях, а за крынку (около 2-х литров) молока я платил крестьянкам 5 копеек и за буханку хлеба также 5 копеек, а чтоб сэкономить на папиросы, молоко приходилось покупать через день. В первые дни, так сказать, в начале организации потребилровки, правление заявило: «Ты, паря, работай месяцев шесть, а затем мы проверим тебя, сделаем учет. Если у тебя будет все в порядке, то будешь больше получать». Вот так и работал, а через полгода сделали учет. Результаты учета оказались хорошими, просчетов и растраты не было. Такой результат учета, или как они говорят – ревизии, их обрадовал. С этого дня я почувствовал к себе со стороны правления и крестьян большее доверие и душевную теплоту, многие из крестьян, обращая ко мне, стали называть Григорием Карповичем, а не просто «паря», как это имело место прежде. После учета правление сделало мне прибавку.

Я стал получать 6 рублей в месяц и имел возможность купить себе сатину на рубашку и, таким образом, внешне принял человеческий вид, а до этого ходил и работал в каторжной рубахе и продолжал иметь вид каторжного...

Организовывая общества потребителей и работая в них по просьбе крестьян, политическая ссылка ставила себе цель оторвать крестьянство от местного купца-просола, сгруппировать его вокруг своего общества потребителей и кредитного товарищества. Кроме того, стояла задача научить крестьян управлять своей общественной организацией самостоятельно, создать из среды крестьян свои сельские кадры приказчиков, продавцов и товароведов, бухгалтеров, ревизоров-контролеров, а также организаторов по культурно-массовой работе в деревне и хороших правленцев. Поставленная задача политической ссылкой в значительной степени была достигнута, хотя и с большими трудностями, так как сами политссылные находились в весьма тяжелых условиях: отсутствие средств на самое необходимое для существования, даже на рубашку, хотя бы из самого дешевого ситца, постоянное недоедание, отсутствие газет и книг, постоянный контроль полицейского надзирателя» [2].

Рассказывая о «больших трудностях» и «тяжелых условиях», вероятно, Г.К. Дисков был не до конца искренним. С трудом верится в то, что люди, создавшие сеть потребительской кооперации, способную составить конкуренцию местному купечеству на значительной территории, постоянно не доедали и не имели средств на самую дешевую рубаху.

В среде тайшетских политических ссыльных, принимавших активное участие в создании «потребилочки», особое место занимал политссылный из рабочих-слесарей Слисский Митрофан Сергеевич. По своим убеждениям до Октябрьской революции 1917 года Митрофан Сергеевич был меньшевиком, однако позже стал членом партии большевиков. В 1915–1916 годах Слисский, по просьбе нижнезаимских крестьян, создал общество потребителей, которое к концу 1916 года стало образцом для Шиткинского, Бузыккановского, Бунбуйского и Выдринского обществ, а сам М.С. Слисский являлся для этих обществ инструктором и советником. В это же время он обосновал экономическую необходимость организации отделения Енисейского Губсоюза кооператоров в селе Тайшет и впоследствии стал одним из главных

организаторов этого общества. В 1917 году, на губернском съезде, М.С. Слиский был избран членом правления по Тайшетскому отделению.

После организации отделения Губсоюза роль и авторитет Тайшетской волости возросли в несколько раз. Село Тайшет стало фактически районным центром. В Тайшете Слиский проработал до сентября 1918 года, а затем он переехал в Канск, где работал председателем правления Канского отделения Губсоюза. За полтора года работы в Тайшете, он, как хороший организатор, очень много сделал для Тайшетского района в целом. При его активном участии была организована сеть обществ потребителей, ликвидированы многочисленные купеческие лавки, усложнилась работа просолов и скупщиков пушнины у крестьян. При его активном участии в районе была организована культурно-массовая работа [3].

Уроженка села Бунбуйского, Рукосуева Ефросинья Федоровна, двоюродная сестра неванского купца Рукосуева Ивана Папиловича, вышедшая замуж в 1923 году за бывшего политического ссыльного Тийса Вильгельма Жановича, в беседе с журналистом-краеведом Адольфом Юрьевичем Черневским рассказала о том, что в Неванской волости, где прошло её детство, было много ссыльных. Местное население делило их на два типа: богатых и интеллигентных, которых называли либералами (они не работали, получали хорошие посылки и средства) и неимущих – эсеров и большевиков.

До 1917 года все они жили дружно, а в 1917 стали расходиться и спорить по политическим вопросам.

О своем бывшем муже, Тийсе Вильгельме Жановиче, сосланном в Восточную Сибирь за пропаганду и революционную деятельность, она рассказала, что он был человек мастеровой: кузнец, слесарь и механик. В селе Большая Мамырь, где он отбывал ссылку, крестьяне, узнав об этом, тут же поставили столбы, и Тийс стал ковать лошадей. Когда его перевели на поселение в Тайшет, он оборудовал свою слесарню и стал изготавливать железные банки, бидончики для керосина, ремонтировать самовары, телеги и другую утварь. У него было много политической и художественной литературы на русском языке: Толстой, Горький и другие, а также журналы «Нива» и «Родина» [4].

С 1913 года в ссылке в Тайшете находился Кравков Максимилиан Алексеевич. Ранее, с 1904 года, он тесно взаимодействовал с рязанской организацией РСДРП и в начале 1908 года, совместно со студентами Быстровзоровым, Орловым и провизором Бабковым, им была создана автономная боевая группа, поставившая себе задачу: организовать покушение на московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана.

Во время студенческих каникул, в июле 1908 года, М.А. Кравков был арестован в рязанском доме своего дяди, Василия Павловича Кравкова. При обыске была обнаружена оборудованная им в подвале подпольная лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ. В 1909 году Московский военно-окружной суд признал М.А. Кравкова «виновным в хранении взрывчатых веществ и разрывных снарядов» и осудил на 5 лет одиночного тюремного заключения, 2 из которых он провел в кандалах в Московской губернской уголовной (Таганской) тюрьме.

В 1913 году М.А. Кравков был выслан на поселение в село Тайшет. Находясь в ссылке, он занимался научными исследованиями, собирал материалы для естественнонаучных коллекций Санкт-Петербургского и Харьковского университетов. Тогда же он начал заниматься литературным творчеством. В 1916 году два его рассказа были напечатаны в журнале «Охотничий вестник».

В Тайшете Максимилиан Кравков проживал вплоть до Февральской революции 1917 года. После амнистии, состоявшейся в марте 1917 года, Кравков вступил в Союз социалистов-революционеров-максималистов, был избран членом Тайшетского исполкома и делегирован на уездный съезд в Нижнеудинск. Там состоялось его избрание представителем от Нижнеудинского уезда в губернский исполком в Иркутске, где он стал членом комиссии по земским делам. После Октябрьской революции 1917 года, деятельность земств была прекращена, и Максимилиан Кравков возвратился в Тайшет, где вернулся к научной работе [5].

Из наиболее известных представителей партии большевиков, находившихся в ссылке в Тайшете и Тайшетском районе, был Иван Адольфович Теодорович, прибывший сюда в 1913 году на вечное поселение после окончания срока каторжных работ. В Тайшете Теодорович возглавил группу политссыльных боль-

шевиков, при поддержке которых проводил антивоенную пропаганду. Существует мнение, что большая часть нелегальной литературы, посылаемой издательством «Правда» на станцию Тайшет, предназначалась И.А.Теодоровичу, поскольку другого такого высокообразованного марксиста-ленинца в тайшетской ссылке на тот момент не было.

В донесении пристава 1 стана Нижнеудинского уезда Буртякова от 8 ноября 1914 года начальнику Иркутского губернского жандармского управления об организации политическими ссылными в селе Тайшет «Общества физического развития и устройства культурных развлечений» говорится:

«С водворением в село Тайшет политических ссыльных: Ивана Теодоровича, Максимилиана Кравкова, Ивана Кириевского, Михаила Годнева, Адольфа Добровольского, Анатолия Филюевича, Емельяна Дыхгаря и Веры Сабанеевой – местная интеллигенция, сочувственно расположенная к последним, стала объединяться. Для более удобной и активной совместной работы они начали проводить политических ссыльных в «Общество физического развития и устройства культурных развлечений». Особенно усиленно ссыльные посещали еженедельно устраиваемые так называемые «субботники», и на таковые посторонние посетители тщательно фильтровались, и «чужие» не допускались. Так, например, был такой случай: местный мировой судья, Павел Дмитриевич Гагаринов, как-то высказал свое желание председателю правления общества, врачу Захвалинскому, прийти на субботник. Захвалинский и его жена категорически заявили, что нельзя, так как он де не состоит в членах общества. Но в это же время тем же Захвалинским отдается распоряжение дежурным членам общества, в присутствии жены начальника станции Тайшет, Варвары Васильевны Донченко, беспрепятственно пропускать всех политических ссыльных и не брать с них входных денег, хотя ни один из них в обществе не состоял и не мог состоять и как гость тоже входить не мог.

В читальне-библиотеке общества политические ссыльные прямо-таки были своими людьми и не выходили из нее, и на протест заведующего библиотекой, ветеринарного врача Василия Ивановича Андреева, Захвалинский заявил, что им разрешено, и они имеют право посещать читальню и библиотеку, каковая, разумеется, снабжена исключительно левыми изданиями...»

Далее пристав сообщает, что с объявлением мобилизации, жизнь сознательных товарищей оживилась, и всех их, то есть Теодоровича, Годнева, Кравкова, Киреевского, Дзыгаря, Сабаневу, потом вновь прибывших политических ссыльных Вельгельма Тийса, Таубе, Каминера, Ицку Липского, Николая Батанова и Веру Винокур можно всегда было видеть в среде запасных, проходивших через Тайшет. О чем они говорят – неизвестно, так как держат себя очень осторожно и тотчас же отходят, как заметят новое незнакомое лицо.

В настроении их проскакивает мысль, что им недолго осталось быть ссыльными – может быть и на их стороне праздник. Особой деятельностью упомянутые лица не выделяются, но представляют сплошную организацию, которая при более благоприятных для них условиях может развить свою деятельность до больших размеров.

По агентурным сведениям, существует будто бы небольшая библиотечка, которая ходит по рукам» [6].

В этом же донесении пристав высказывает опасение относительно того, что политический ссыльный Емельян Алексеевич Дзыгарь, устроился в Тайшете в качестве письмоводителя у заведующего Тайшетским подрайоном, что, конечно, нежелательно и не должно быть допущено, так как у заведующего подрайоном, как и у всех административных чиновников, получают секретные бумаги и содержание их через письмоводителя Дзыгаря, безусловно, будет известно вышеозначенной организации.

Работая в отделениях потребительской кооперации и находясь в непосредственной близости с представителями тайшетской интеллигенции, политические ссыльные, будучи людьми образованными, могли беспрепятственно влиять на народные массы.

Действия пристава подверглись критике со стороны общественности и осуждались на страницах газеты «Сибирская жизнь» № 85 от 24 апреля 1914 года:

«...Не так давно был случай в Тайшете Нижнеудинского уезда, становой пристав обратил внимание, что местное общество народных развлечений не выписывает «Нового Времени» для своей библиотеки. Когда ему было заявлено, что нет желающих читать эту газету, в дело вмешивается жена станового, вдруг

изъявившая читать «Новое Время». Желание свое она мотивировала тем, что в этой газете «печать крупная и удобная для чтения»... Предложение пристава успеха не имело. Тогда он усматривает «влияние» политических ссыльных на выписку левых газет и журналов и делает распоряжение о воспрещении ссыльным посещать библиотеку и вообще пользоваться книгами и газетами. Сообщил даже и железнодорожному начальству, чтоб ссыльные не посещали библиотеки (при ж. д.)» [7].

Находясь в ссылке в Тайшете, И.А.Теодорович снимал внаем у бывшего жандарма Жукова Егора Михайловича трехкомнатный особняк. В центре особняка была большая комната, в которой Теодорович давал уроки детям состоятельных жителей Тайшета. На занятия к нему ходило около 20 человек. Приходилось заниматься в две смены. В это время его жена, Глафира Ивановна, жила в Красноярске и работала преподавателем в гимназии. Каждую субботу она с сыном приезжала в Тайшет, а в воскресенье вечером уезжала обратно.

Давая уроки молодежи, Иван Адольфович смог привить им идеи большевизма. Одна из его учениц, комсомолка с 1920 года, Мария Шелехова, в небольшой газетной заметке, посвященной 50-летию Советской власти, рассказала о том, как они узнали от Теодоровича о Февральской революции.

«...В один из мартовских вечеров 1917 года мы с девочками собрались готовить уроки у Тани Белоусовой. К нам примчались знакомые мальчишки. Впопыхах они сообщили, что были у Ивана Адольфовича и узнали о том, что в России произошли большие события. Мы допытывались, может быть, амнистия политссыльных? – «Нет, – ответили нам, – еще значительнее – у нас революция!»

Всей группой мы прибежали к Ивану Адольфовичу. На квартире у него уже собрались друзья политссыльные. Что там только делалось! Друзья обнимались, целовались, радостно смеялись, спорили, плакали. Это был незабываемый час.

На другой день мы узнали о том, что Иван Адольфович ходил с группой политссыльных на собрание местной буржуазии разоблачать их замыслы против революции...» [8].

Близкий товарищ Теодоровича, политссыльный Евсеев Иван Михайлович, находившийся в Тайшете в 1916–1917 гг., описал

в своих воспоминаниях этот «поход на собрание местной буржуазии» следующим образом:

«Получив от знакомого телеграфиста радостную весть о падении самодержавия, Иван Адольфович, несмотря на позднее время, поспешил поделиться ею с товарищами. На следующий день, 1 марта, в его просторной квартире собралось около 30 политссыльных, чтобы обсудить создавшееся положение. В это время стало известно, что местный становой пристав Красовский получил секретное предписание от Нижнеудинского уездного исправника создать «Комитет спасения Родины» и что в игорном доме кабатчика Супруна уже собралась тайшетская буржуазия для создания такого комитета.

– Товарищи! Идем на штурм этого старорежимного логова! – призвал Теодорович. И политссыльные, все как один, пошли за ним.

Когда мы ворвались в зал, за большим столом сидело человек 15–20 с бледными испуганными лицами. Среди присутствующих находился инспектор народных училищ, поп и пристав.

Вся эта компания была разогнана, а на следующий день, 2 марта, политссыльные разъехались по селам, деревням и переселенческим участкам, чтобы сообщить о революции и созвать людей на волостной сход.

Игорный дом Супруна был объявлен Народным домом. Волостной сход, состоявшийся в этом доме, избрал Временный исполнительный комитет Тайшетской волости [9]».

Возглавили исполнительный комитет бывшие политссыльные Тийс и Кекул.

Так, в марте 1917 года «царская» политическая ссылка прекратила свое существование на территории Тайшетского района, и политссыльные, бывшие государственные преступники, сосланные на территорию Восточной Сибири на вечное поселение за особо тяжкие преступления, возглавили созданный исполнительный комитет.

Список источников и литературы

1. Бульгин Г.В. Гражданская война на территории Тайшетского района. Тайшет, 2014.
2. Рукопись воспоминаний Дискова Г.К. Архив автора.
3. Там же.
4. Воспоминания Тийс Е.Ф. Записаны 22. XII. 1962 г. Черневским А.Ю. Архив автора.

5. <http://kraeved.ngonb.ru/>. Горшенин А.В. Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области. 2007 г.
6. Копия документа со ссылкой на Иркутский партархив. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 335. Л. 4–7.
7. <http://libinfo.org/>. Газета «Сибирская жизнь» № 85 от 24 апреля 1914 г.
8. Шелехова М. Газета «Заря коммунизма». 11. IX. 1966 г.
9. Воспоминания Евсеева И.М. Архив автора.

УДК 94(57)

Н.К. Гоголева

Из истории якутской ссылки XVII – начала XX вв.

В статье отражены основные события из истории ссылки в Якутию с середины XVII века до марта 1917 года. Автор подробно рассматривает вклад ссыльных в развитие социально-экономической и культурной жизни местного населения.

Ключевые слова: Якутия, ссылка, ссыльные, государственная политика.

N. K. Gogoleva

From history of the Yakut reference XVII – the beginning of the 20th centuries

The main events from history of the exile to Yakutia from the middle of the 17th century till March, 1917 are reflected in article. The author in detail considers a contribution of exiled to development of social and economic and cultural life of local population.

Keywords: Yakutia, reference, exiled, state policy.

В истории Якутии середины XVII – начала XX в. ссылка занимала важное место. Исследователи XIX – начала XX веков называли Якутию «тюрьмой без решеток», советские историки – «каторжным мешком», а ученые постсоветского периода – «штрафным изолятором». Тем не менее, ссылка сыграла значительную роль не только в социально-экономическом направ-